

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN



NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Ч. М. Таксами

ТУНГУССКИЕ НАРОДЫ НА САХАЛИНЕ

В нашей исторической и этнографической литературе не уделялось достаточно внимания тунгусским народам, населяющим Сахалин. Поэтому каждое сообщение о них представляет определенный интерес. В данной статье мы хотим рассказать о тунгусских народах: эвенках, ороках, негидальцах, проживающих на о-ве Сахалин в настоящее время. Основным материалом для статьи послужило посещение автором о-ва Сахалин в 1961 г.

В статье основное внимание уделяется характеристике современной жизни эвенков и ороков, а что касается негидальцев, то мы их не выделяем отдельно, так как большинство их семей смешано с ороками и эвенками.

Эвенки — самая многочисленная и наиболее широко расселенная народность из так называемых малых народностей Северной Сибири. Общие размеры территории их расселения определить трудно (приблизительно она составляет около четверти всей Сибири и Дальнего Востока). Границами поселения эвенков служат на западе Обь-Иртышский водораздел; на востоке — побережье Охотского моря и Сахалин; на юге — р. Верхняя Тунгуска (Ангара), оз. Байкал и р. Амур; на севере — территория, населенная эвенками, якутами, долганями и ненцами. Из 30 тыс. населения эвенков на Сахалине проживает около 300 человек.

Первые эвенки пришли на Сахалин, видимо, в начале XIX в., вслед за предками нынешних ороков, от которых, возможно, узнали, что остров богат не только хорошими пастбищами, но и охотничьими угодьями, пушным зверем и дикими оленями. Длительное время они кочевали между материковой и островной землей, а в конце XIX — начале XX в. окончательно поселились на Сахалине. Поселились они вдоль всего западного побережья, где и кочевали: одна группа — от мыса Зеленого Гая на север острова, другая — немного южнее, в районе мыса Тык и залива Виахту. Почти каждую зиму эвенки выезжали на восточное побережье, богатое охотничьими угодьями, для добычи оленя и соболя.

По рассказам многих пожилых эвенков можно судить, каким путем шло заселение ими острова и каков был сам процесс заселения. Приведем некоторые из них.

1. Трофимов Афанасий. Отец его был из рода Дыр, крещеный, а мать была по национальности якутка, приехали они на Сахалин в конце XIX в. всей семьей, имея всего одну нарту, в которую была запряжена олень-матка. На Сахалине отец несколько лет кочевал, занимаясь охотой. Затем вернулся на материк, в район г. Николаевска. В 1900 г. опять приехал на Сахалин на окончательное поселение.

2. Павлов Георгий. Родители его прибыли с Охотского побережья. Род их носил название Ыдян.

3. Афанасьев Борис. Его дед приехал на Сахалин из районов р. Буреи. Был он из рода Мыцы.

4. Прокопьев Афанасий из рода Коница. Дед его прибыл с Охотского побережья.

5. Чинков (из рода Ыдян). Его деды переселились откуда-то из районов Нижнего Амура.

6. Слепцов (из рода Дерин) приехал на Сахалин в 1947 г. из Аяно-Майского района.

7. Владимиров Иван. Дед его приехал из района Чумикана.

8. Павлова. Ее отец, прежде чем поселиться на Сахалине в конце XIX в., длительное время кочевал на Охотском побережье материка, в районе селения Тывлино.

9. Чепалов (из рода Бухта). Его дед переселился на Сахалин из верховьев р. Амгуни.

10. Владимиров Иван. Отец приехал в конце XIX в. из района Чумикана.

Большинство нынешних эвенков Сахалина — потомки тех, которые переселились из районов Тугура, Чумикана, верховьев Амгуни и даже Буреи. Мы встретили на Сахалине представителей родов: Дыр, Ыдян, Лалагир, Мыцы, Коница, Дери, Бухта, Буга, Ыдинкан.

По сообщению Ю. А. Крейновича, на Сахалин пришли представители родов: из Чумикана — Лалагир, Эгинкагир, Коница, Джер; из Амгуни — Джукчагир, Бытун; из Бурукана — Буга; из Буреи и Бурукана — Эджен¹.

Все эвенки Сахалина поддерживают родственные связи с эвенками Амгуни, Охотского побережья, Кульчи и других мест.

Очень интересную характеристику хозяйственной деятельности эвенков конца XIX — начала XX в. дал Л. Я. Штернберг. По его сообщению, излюбленным местом поселения тунгусов на западном побережье был район между селениями Виахту и Лангр, где находились богатые пастбища. В жаркие летние месяцы эвенки раскидывали свои чумы по берегу моря близ селений Тых, Лахи, Ванги, Погоби и Ныйде. В августе они перебирались на восточный берег, к устью Тыми, заливу Чайво и Кехрво, где сушили кету. На зимний сезон эвенки перемещались ближе к предгорьям, где занимались исключительно охотой на соболя, диких оленей и медведей. Охота на диких оленей доставляла эвенкам обильную мясную пищу и продукты для сбыта. Пушнину вывозили для продажи в г. Николаевск-на-Амуре². Такой образ жизни эвенки вели вплоть до организации колхозов.

В настоящее время эвенки проживают в двух селениях на западном побережье Сахалина — в Береговых Лангерях (Рыбновский район) и Виахту (Александровский район).

¹ Ю. А. Крейнович, *Расселение туземного населения северной части о-ва Сахалина*, — «Дальне-Восточное статистическое обозрение», 1928, № 12(51), Хабаровск — Благовещенск, 1929, стр. 1—10.

² Л. Я. Штернберг, *Путешествие на Крайний Север о-ва Сахалина*, — «Сахалинский календарь и материалы к изучению о-ва Сахалина», Сахалин, 1895, стр. 39—40

Береговые Лангери. Эвенкам этого селения за последние 30 с лишним лет пришлось менять несколько раз место своего жительства. В 1933 г. северные группы, кочевавшие от мыса Тык на север, объединились в колхоз «Новый путь» и обосновались в селении Ныйда вместе с нивхами и несколькими семьями якутов. Жили они здесь до 50-х годов. К сожалению, из-за неосторожности членов какой-то геологической изыскательской партии сгорел большой участок пастбища и население было вынуждено со своими стадами обосноваться в верховьях р. Лангра.

В 1957 г. в селении Лангери проживали 23 семьи эвенков с населением в 104 человека. Основным занятием было оленеводство. В колхозе насчитывались 2504 оленя. Попутно колхозники-олeneводы охотились на диких оленей и соболя, а женщины занимались изготовлением изделий из оленьей шкуры для продажи. В своем хозяйстве колхоз имел одну машину, электростанцию, радиостанцию и другую технику. В 60-х годах в связи с развитием нефтяной промышленности в верховьях р. Лангра эвенки обосновались в ее устье — в нивхском селении Береговые Лангери. Здесь для эвенков и нивхов было построено более 20 жилых домов, магазин, клуб, баня и т. п.

В 1960 г. эвенкийский колхоз «Новый путь» вошел в состав вновь организованного оленеводческого совхоза «Оленевод», куда были включены на правах отделения орокский колхоз «Вал» и эвенкийский колхоз селения Вяяхту. Центральной усадьбой совхоза стало Вяяхту.

В 1962 г. в селении Береговые Лангери жили и трудились 11 тунгусских семей — эвенки, несколько семей нивхов, а также русские и одна якутская семья. Эвенкийское и смешанное с ними население трудится в отделении совхоза. Одни работают пастухами, другие — на стройке и подсобных работах.

Осенью 1962 г. в оленьих стадах насчитывалось 3570 голов, в них весной того же года было получено 990 голов приплода. Летом оленей пасут одним стадом на свободном выпасе, (на территории между реками Лангром и Чингаей). В зимнее время постоянного пастбища нет; в 1962 г., например, олени паслись на территории, прилегающей к р. Луполову и соседних с нею рек, где находились до весны. Здесь же проходил и отелочный период. С мая стада снова передвигались на север.

Осенью часть оленей подгоняют к г. Охе на Сахалине, где забивают на мясо и сдают государственным торгующим организациям, которые в течение года продают его в сельском магазине, так что население всегда имеет возможность приобрести его.

В 1962 г. в личном хозяйстве эвенков числилось более 50 голов оленей. В основном их имеют пожилые и семейные люди. Молодые оленеводы-пастухи занимаются охотой на медведя, диких оленей и соболя. Мясо и пушнину продают государству, что приносит им дополнительный доход к основной заработной плате.

Расположены Лангери в удобном месте. До него из г. Охи и ближайших селений можно добираться на автомашине.

Селение Вяяхту — центр оленеводческого совхоза — стало застраиваться с 1957 г. Это самый отдаленный населенный пункт в Александровском районе, до которого трудно добираться: специальной дороги нет, а бурный Татарский пролив не всегда гостеприимен. Несмотря на это, в Вяяхту переехали эвенки из расположенного от него в 18 км селения Оленевод, часть нивхов из селения Старые Вяяхту и Трамбаус. Проживает в нем и несколько русских семей.

При заселении поселка часть домов была перевезена из селения Оленевод. Заново были построены государством около 10 жилых до-

мов, восьмилетняя школа-интернат, клуб, медпункт, детские ясли и сад, баня, магазин, пекарня. В 1961 г. был заложен фундамент нового детсада и проектировалось строительство большого интерната и 19 жилых домов. На средства совхоза были построены мастерская, гараж, склад, овощехранилище и другие хозяйственные строения. Всего в селении Вяяхту проживало около двадцати эвенкийских семей. Самые распространенные фамилии — Диноковы, Владимировы, Начеткины.

Основное хозяйство эвенков селения Вяяхту — оленеводство. Им заняты как среднее, так и старшее поколение. Олени находятся на свободном выпасе, стада перегоняют с одного места в другое в зависимости от сезона.

Олени стада пасутся на территории от Уанды до мыса Тык; в летнее время они движутся на побережье, зимой уходят в лес. Период гона проходит обычно в районе мыса Тык. Пастухи во время выезда на пастбище живут в палатках, но у них есть домик, который служит им центральной базой, где хранятся различные снаряжения и продукты. Оленеводы построили себе еще избушку-склад для хранения мяса добытых оленей, откуда его вывозят на самолете или вертолете в промышленные и рабочие центры. Бьют оленей на мясо и для местного населения, а затем продают в магазине.

В отделении совхоза в Вяяхту в 1961 г. было небольшое молочное хозяйство и огород. Молоко, особенно в зимнее время, целиком уходило на обеспечение детских яслей и школы-интерната. В огороде в основном выращивали картофель для общественного питания.

Организована в совхозе и пошивочная мастерская, где шьют дохи, обувь, шапки, рукавицы, в первую очередь для пастухов, а также для продажи населению. Имеется и своя техника: пять тракторов и две автомашины. Гужевого транспорт представлен 15 рабочими лошадьми и 6 головами молодняка.

До организации коллективных хозяйств каждая эвенкийская семья кочевала со своими немногочисленными оленями (по сообщению большинства эвенков, каждая семья имела не более 50 голов) на определенной территории. Эвенки очень бережливо выращивали поголовье оленей в своих стадах. Забивали их на мясо и шкуры только при крайней необходимости и только диких оленей, которых на Сахалине в то время было много. Для того чтобы отличить одно стадо от другого, на ушах оленей ножницами делались разрезы — семейные отметки — *илкыни*.

С организацией колхоза все стада были объединены и оленеводы сообща кочевали на большой территории. В местах своих постоянных стоянок они устраивали большие навесы для оленей. В летнее время вокруг своих чумов зажигали многочисленные костры-дымокуры от комаров, слепней и гнуса. Заботу о стаде проявляли все колхозные семьи, связанные между собой родственными узами. Мужскому населению помогали члены их семей — женщины, дети и старики, кочевавшие вместе с пастухами.

В 50-х годах в связи с окончательным оседанием оленеводов, а затем и с организацией совхозов в оленеводческом хозяйстве стала ощущаться нехватка пастухов. Связано это с тем, что в поселках стали жить почти все члены семей (дети учиться в школах, женщины и старики оставаться дома). Молодежь, которая прежде занималась оленеводством, предпочитает теперь работать в поселке строителями, на заготовке и распилке леса, механиками, трактористами, шоферами и на других подсобных работах. Непосредственно пастухи — это преимущественно люди старшего поколения, этим и вызваны трудности с кадрами. Есть и другие трудности, связанные с территорией кочевья. Если вплоть до



Способ перевозки детей верхом на оленях.
Селение Виахту. 1961 г.

40—50-х годов эвенки кочевали на определенных землях, по западному побережью острова, распределяя пастбища по сезонам, то теперь все эти маршруты приходится менять каждый год. Дело в том, что на острове бурно развивается нефтяная, угольная, лесная и другая промышленность. На путях кочевья, на местах пастбищ строятся рабочие поселки, что в какой-то степени затрудняет ведение оленеводческого хозяйства.

Между тем оно, так же как и береговое рыболовство нивхов, имеет большое значение для народного хозяйства. Оленеводство эвенков имеет также большое транспортное значение. Оленьим транспортом пользуются как местное население, так и геологоразведочные партии, приезжающие в эти районы. В летнее время на оленях передвигаются верхом, а зимой — в нартовой упряжке. Верхом ездят также женщины и дети.

Мужские ездовые седла-*нымы* — широкие, длинные. На женских седлах подкладные доски шире и меньше по длине, а передние кости *орон* выше, задние — ниже. Детское седло *дурыкы* — небольшого размера: чтобы дети сидели на них устойчиво, им спереди и сзади подкладывают подушки и привязывают ремнями к седлу. Грузовое вьючное седло *ымыгын* отличается от ездового своим размером и конструкцией. Вьючным мешком служит берестяная корзиночка (береста двойная) *урма*, обшитая нерпичьей шкурой. Грудных детей с люльками также навьючивают на оленей. При этом с одной стороны укрепляют люльку, а с другой — вьючный мешок.

В нарты (*толгоки*) запрягают обычно пару оленей, правый — *нерон*, левый — *дицму*. Одного оленя запрягают только при гонках. В этом случае подпруге проходит между ног. У эвенков имеются и маленькие гоночные нарты, называемые, как и большие, толгоки.

До сих пор эвенки широко применяют в быту оленьи шкуры, из которых шьют обувь, дохи, рукавицы и другие предметы одежды и утвари.

Живут оленеводы-пастухи, находящиеся при стаде, в белых брезентовых палатках как летом, так и зимой. Отапливаются каминами. Теперь среди эвенков нет традиционных конических чумов и они живут в срубных домах русского типа. В последние годы для них построено несколько десятков стандартных одно-двухквартирных домов из двух-трех комнат с верандой. Эвенки гордятся чистотой своих квартир и их убранством.

Сейчас трудно отличить эвенкийские квартиры от квартир русского населения, с которым они живут и трудятся вместе. Во всех эвенкийских домах имеются кровати, платяные шкафы, портьеры, шторы, зеркала, и т. д. Во всех домах горит электрический свет, имеется радио или радиоприемник.

Наряду с проникновением современной культуры в быт эвенков они сохраняют многие элементы своей самобытной культуры, в частности национальную одежду, пищу, средства передвижения и т. д.

Сахалинские эвенки были крещены еще до поселения на остров, а отдельные семьи крестились уже на Сахалине. Старейшая жительница селения Виахту Павлова еще помнит, как при крещении священник опускал ее голову в воду. Крещенные эвенки хоронили покойников по православному обычаю и над могилой ставили крест. В дореволюционное время при установке чума на новом месте эвенки выносили иконы, молились, а затем устраивали угощение.

Все эвенки имеют русские фамилии, имя и отчество, полученное при крещении. Но в то же время все они хорошо помнят свой род, поддерживают с сородичами постоянную связь и соблюдают все нормы и обычаи родовой организации.

Сахалинские эвенки хорошо владеют как своим родным, так и русским языком. Ороки, негидальцы и якуты, вступившие в брак с эвенками или вышедшие за них замуж, также хорошо владеют эвенкийским языком. Вместе с тем стал наблюдаться факт, когда эвенкийские школьники говорят только на русском языке.

Дети эвенков учатся в педагогическом и медицинском училищах г. Александровска-Сахалинского, в Хабаровском медицинском и педагогическом институтах, в технических училищах в г. Охе. Среди них имеются и окончившие Ленинградский педагогический институт.

Ороки — небольшая группа, принадлежащая к тунгусским народам и раньше всех поселившаяся на Сахалине, изучена сравнительно мало, и среди исследователей, занимавшихся этим вопросом, пока нет единого мнения о происхождении этой группы народов.

Одни ученые, как, например, Г. Н. Невельской³, предполагали, что ороки это удские тунгусы, перекочевавшие в XV—XVII вв. с материка на Сахалин, другие, например Л. И. Шренк⁴, утверждали, что ороки — часть ульчей (иначе известная как мангуны — шренковские мангуны), в прошлом оленеводов, кочевавших в отрогах Станового хребта. Потеряв оленей, они пришли на Амур и стали заниматься рыболовством. Небольшая их часть отделилась от своих одноплеменников и переселилась на Сахалин.

Правда, можно предполагать, что первыми переселились на остров амгунские тунгусы — негидальцы, путь которых на Сахалин лежал через земли шренковских мангунов; последние, познакомившись с негидальцами во время их перекочевки, также вслед за ними поселились на Сахалине.

³ Г. И. Невельской, *Подвиги русских морских офицеров на Северо-Востоке Азии*, М., 1947, стр. 237.

⁴ Л. И. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I, СПб., 1883, стр. 138.

Советский исследователь Г. М. Василевич⁵ считает, что оленеводы-орочи из районов Приамурья переселились на богатый кормами и зверем Сахалин. Здесь они сохранили тот же тип оленеводства, но стали называться ороками.

Вопрос об этническом составе ороков до сих пор не решен. В их культуру, несомненно, проникли элементы русской, эвенкийской, негидальской и ульчской культуры. Тщательное исследование всех этих элементов даст нам возможность выявить этнический состав нынешних ороков и пути формирования этой группы.

Мы считаем, что ороки Сахалина, видимо, представляют собой группу тунгусского народа, сформированную сравнительно недавно, возможно, в XVIII—XIX вв. Предки нынешних ороков постепенно переселились на Сахалин из разных районов. Первоначально, видимо, перешли, как мы уже говорили выше, на остров негидальцы и часть отколовшихся нынешних ульчей, которые, потеряв оленеводство, стали заниматься охотой, морским промыслом и рыболовством. Нынешние ороки мало что помнят об этом переселении, и сохранилось это в памяти народа главным образом в виде легенд.

Ороки не сразу поселились на Сахалине, который они называют *нучи-на* — маленькая земля, долгое время они переходили с материка (*дай-на* — большой земли) на остров и обратно. Многие семьи достигали низовьев рек Чоми, Тыми и др., некоторые даже возвращались на свои прежние места — на озеро Орель, Амгуни, Удыль, Аян.

Нынешние ороки, по нашему мнению, это конгломерат нескольких тунгусских групп, переселившихся на остров из бассейна Нижнего Амура. Ядром их являются группа негда (соотечественники нынешних негидальцев) и шренковские мангуны, переселившиеся на Сахалин. К ним впоследствии примкнули эвенки. Даже сами ороки из своей среды выделяют группу ульта, негда и эвенков. И поэтому не удивительно, что в культуре ороков мы находим элементы культуры рыболовов, охотников и оленеводов, при преобладании культур оленеводческого и охотничьего населения.

Поселившись на Сахалине, ороки длительное время кочевали по острову, с восточного побережья на западное вдоль р. Тыми, в верховьях Пороная, а оттуда и на материк. Этим же путем они возвращались обратно. Часть ороков с восточного побережья отправлялась на юг до залива Терпения.

Позднее, с поселением эвенков в XVIII—XIX вв. вдоль западного побережья, ороки постепенно перестали двигаться в западном направлении и окончательно осели в районе низовьев р. Пороная и залива Терпения. При этом на первых порах между ороками и местным населением — айнами возникли недоразумения и стычки.

В дореволюционное время жизнь ороков была тяжелой. Имея в своем хозяйстве небольшое количество оленей, они кочевали с целью добычи пропитания. Весной охотились за нерпой (ее мясо шло в пищу, а шкура — на изготовление одежды). В летнее время в устьях рек и на берегу заливов ловили рыбу, которую не только сразу употребляли в пищу, но и заготавливали юколу на зиму. Зимой занимались охотой, били пушных зверей и диких оленей, которых на Сахалине было очень много. Они паслись в лесах восточного побережья между заливом Терпения и п. Пограничное.

Кочуя, ороки выбирали хорошие пастбища для домашних оленей,

⁵ Г. М. Василевич, *Самоназвание орочен, его происхождение и распространение*, — «Известия Сибирского отделения АН СССР», сер. общ. наук, вып. 3, 1964, № 9.

так как они их очень берегли и забивали на мясо только в редких случаях.

В конце XIX — начале XX в. ороки Сахалина расселялись двумя группами — северной и южной.

Северные ороки кочевали вдоль заливов всего северо-восточного побережья Сахалина — Пильтунского, Чайвинского, Ныйвинского, Набильского и Луньского. В 20-х годах в этих районах было зафиксировано пять локальных групп ороков, каждая из которых кочевала по определенной территории.

I группа в 17 человек, состоявшая из представителей рода Муигыты, кочевала в районе Луньского залива. Зимой они жили в тайге на берегу р. Ясрун-и, впадающей в Луньский залив, с наступлением весны переезжали на косу к морю, где охотились на тюленей. Летом и осенью жили в Кезьбагир-во, расположенном на мысу косы на берегу залива, где занимались рыбной ловлей.

II группа, состоявшая из представителей двух родов — Торыся и Сукто, кочевала в районе Набильского и Ныйского заливов. Зимой они жили в устье р. Имчина, впадающего в р. Тымь, а летом в Бутаво на Охотском берегу, расположенном севернее пролива Набильского залива.

III группа, состоящая из рода Дагинен, кочевала в районе залива Даги. Зимой эта группа ороков жила в тайге на берегу р. Даги, весной переезжала на косу к берегу моря, где охотилась на нерпу. Летом жила на о-ве Гекчомвоур, а осенью по р. Томи.

IV группа делилась в свою очередь на две группы, состоявшие из представителей родов Синахуду, Гетта и Баярус, кочевавшие в районе залива Чайво. Одна группа ороков, численностью в 22 человека, зимой жила в верховьях р. Вал на Адаву, весной — вблизи Ванршк-во на берегу моря и охотилась на тюленей. Летом она жила на берегу залива в Уль-во, а осенью — на берегу р. Аскасая или Вала, где ловила рыбу. Другая группа ороков (в 32 человека) осенью и зимой жила на р. М. Гороме, иногда уезжая на зиму к верховьям р. Вал на Адаву, где жила по притоку р. Вала — р. Уи. Весной она перекочевывала к морю на косу, напротив о-ва Аги-во, где охотилась на тюленей. Летом жила вблизи М. Горомая, где ловила рыбу.

V группа, состоящая из представителей родов Баярус и Намиса, кочевала в районе залива Кекр-во, или Пильтун. Осенью она жила на правом берегу р. Сабы, зимой — там же или переезжала к верховьям рек, например, Ниль-во (впадающей в залив Байкал), весной — немного севернее своих летников Аги-во, где охотились на тюленей, а летом — в летниках Аги-во, на берегу залива, где занимались рыбной ловлей⁶.

Перекочевка с места на место была связана со сменой времен года и хозяйственными занятиями. Весной ороки переселялись к морю, где занимались охотой на нерп. Летом и осенью селились непосредственно на берегу заливов и в устьях рек, где ловили рыбу. Зимой уходили в тайгу, где пасли оленей и охотились.

Южные ороки Сахалина также расселялись небольшими группами в низовьях р. Пороная, вдоль залива Терпения и Невского озера. Обычно в одном месте селились три-пять семей, немногим более 30 человек, причем в весенне-осеннее время они жили на берегу залива и в устьях рек, где наряду с оленеводством занимались морским промыслом и рыболовством, зимой уходили в лес и занимались охотой на диких оленей и пушных зверей, а небольшое количество домашних оленей, находившихся на свободном выпасе, перегоняли к местам своих кочевков.

⁶ Ю. А. Крейнович, *Расселение туземного населения...*



Орокская женщина с сыном, Б. Горомай,
Северный Сахалин. 1928 г. (МАЭ, И—1738-78)

Пушнину, олени шкуры и шкуры нерп ороки сбывали купцам (как японским, так и русским) в обмен на продукты питания, промышленные товары, ружья и охотничьи припасы. Иногда купцы давали товары в кредит, в счет будущей добычи. Один раз в году ороки принимали участие в ярмарке, организуемой в селении Уанда или на мысе Тык.

Во время посещения южных ороков в 1895 г. Н. Попов встретил на р. Солдое пять семей с населением 16 человек (пять мужчин, пять женщин и шесть детей), из которых трое ушли на работу к японскому рыбопромышленнику. Эти пять семей имели стадо всего в 50 оленей, несколько долбленых лодок и небольшую рыболовную сеть⁷. Недалеко от поселения Тихменьевского была стоянка ороков, на которой проживало пять семей с населением 32 человека. Почти все взрослое население этого селения летом работало у японских рыбопромышленников. Эта группа ороков имела стадо около сотни голов оленей.

Во время японской оккупации Южного Сахалина поголовье оленей у ороков резко сократилось, из-за того что японцы нередко употребляли в пищу мясо орокских оленей. Сами ороки не забивали на мясо домашних оленей, а употребляли в основном мясо диких. Интерес к орокским оленям проявляли японцы еще до оккупации. Так, в конце XIX в. Н. Попов, находившийся среди ороков, писал, что японцы не прочь были тайком поохотиться на орокских оленей, что заставляло последних переселяться в более глухие места⁸.

Резко сократилось поголовье орокских оленей и в результате хищнических действий якута Винокурова — владельца большого стада оленей. Винокуров запрещал пастухам бить на мясо оленей из своего стада,

⁷ Н. Попов, *Река Поронай и ее инородческое население*, — «Сахалинский календарь и материалы к изучению о-ва Сахалина», отд. II, 1895, стр. 6—9.

⁸ Там же.

а заставлял убивать чужих, попавших в его стадо. Много таких оленей он продал японцам, выдавая за своих. За короткий срок Винокуров сделался владельцем почти всех оленей Южного Сахалина. Многие ороки, лишившись оленей, вынуждены были заниматься только рыболовством.

Материальное положение ороков, как и всех малых народов, было в досоветское время очень тяжелым. Об этом писали многие очевидцы. Это показало и обследование, проведенное на Северном Сахалине в первые годы Советской власти. Кочуя со своим небольшим хозяйством, они вели жалкое существование. Их благополучие зависело от удачной охоты и хорошего промысла. В годы плохих промыслов население вынуждено было вести полуголодный образ жизни. К тому же среди них были распространены многие болезни, что приводило к их вымиранию.

Ороки Сахалина были сплошь неграмотны. Перепись 1926 г. зафиксировала только одного человека, считавшего себя грамотным. Под грамотными в то время подразумевались люди, умевшие только расписываться и в лучшем случае читать по слогам. В период японской оккупации в селении Отасу в течение нескольких лет функционировала единственная начальная школа, где обучались дети в основном оседлых ороков.

В настоящее время ороки северной группы живут оседло и компактно в одном селении Вал (только отдельные семьи живут в других населенных пунктах), построенном при Советской власти. С 1959 г. рядом с поселком возник новый населенный пункт. К нашему посещению в 1961 г. в нем было построено 20 трехкомнатных домов со всеми пристройками, почта медицинский пункт, строились клуб и школа. Все это государство бесплатно передало в пользование орокам. Кроме того, в связи с развитием нефтепромыслов рядом с новым Валом был еще воздвигнут новый рабочий поселок. Таким образом, селение Вал состоит теперь из трех поселков и представляет собой крупный благоустроенный населенный пункт. В 1961 г. в нем проживали 34 семьи (численностью в 126 человек), которые называют себя ороками. Там же проживают эвенки — 15 семей (численностью в 36 человек), нивхи — 3 семьи (численностью в 13 человек) и 32 человека русских, чувашей и татар.

Основное занятие населения — оленеводство. Олени стада находятся на свободном выпасе. В летнее время пасутся вдоль заливов, в холодное — уходят в лес. Чтобы держать оленей более компактно, часть оленей (маток и телят) держат на привязи. В период отела обычно мобилизуют все население совхоза и делают все возможное для сохранения приплода.

По роду своей работы оленеводы вынуждены часто посещать стада оленей, и в летнее время в поселке остаются только те члены семьи, которые связаны с производственной работой, остальные, включая детей, предпочитают уходить вместе с пастухами к оленьим стадам. В зимнее время вместе с пастухами кочуют одна-две семьи, а их женщины работают чумработницами.

Семьи оленеводов живут при стадах в белых брезентовых палатках (каждая семья живет в отдельной палатке), в которых устанавливают переносные железные камины. В палатках широко используются как постельные принадлежности олени шкуры, а также и спальные мешки.

Еще в 30-х годах в селении Вал был создан оленеводческий колхоз, который в послевоенное время был реорганизован в отделение оленеводческого совхоза «Оленевод». Во время нашего посещения в 1961 г. здесь были две оленеводческие бригады, в которых находилось 6500 голов оленей. В период отела в них трудились 30—32 человека.

Осенью оленей подгоняют к городу и сдают туши на мясо, главным

образом в г. Охе, торгующим организациям, оставляя себе только шкуры. С 1939 по 1960 г. оленеводы селения Вал сдали государству на мясо около 10 тыс. голов. В настоящее время совхоз ежегодно планирует убой оленей, мясо которых продается в магазине поселка.

Оленеводы-пастухи занимаются также охотой на пушного зверя, медведя и диких оленей. За счет последних совхоз частично выполняет мясopоставку государству. Сдают государству и мясо медведя; пушнину же продают заготовительным организациям.

В последние годы, кроме оленей, в совхозе появились шесть коров, из них три дойные. Это дало возможность круглый год обеспечивать молочной продукцией (молоком, творогом и сметаной) рабочих совхоза и их детей. Ежегодно расширяется и огородное хозяйство. В совхозе сажают картофель, капусту, лук и другие овощи.

В рационе ороков наряду с оленьим мясом большое место занимают покупные продукты (хлеб, крупа, консервы), а летом рыба, которую употребляют в пищу в свежем виде. Некоторые семьи заготавливают ее и на зиму в соленом виде или в виде юколы.

В селении имеется мастерская промкомбината, выделяющая оленьи шкуры, из которых шьют унты, тапочки, рукавицы, теплые чулки, ушанки и т. д. В мастерской работают пять человек из орокских и эвенкийских семей.

В подсобном хозяйстве совхоза содержались три лошади, которых круглый год использовали на гужевом транспорте. Говоря о транспортных средствах ороков, следует упомянуть и о лодке, которую раньше более широко использовали (долбленные лодки — *монко*). Во время нашего пребывания мы обнаружили в селении Вал всего три лодки, с которых пожилые ороки занимались ловом рыбы для личных нужд.

Основная часть населения ороков как в зимнее, так и в летнее время носит покупную одежду и обувь, но наряду с этим еще широко использует национальную, сшитую из оленьих шкур. Так, пастухи носят доху — *санияк*, шапки-ушанки — *авун*, длинные торбаза (меховая обувь) из камуса (шкур с ног оленя) — *муругун-муру*, под которые надевают теплые чулки из оленьего меха — *доктон*. Летом ходят в обуви из дымленых шкур. Повсеместно носят меховые рукавицы — *коколло* и перчатки из замши — *т'арбак-тарбаки*.

Ороки селения Вал теперь уже плохо помнят о своих родовых связях, но тем не менее некоторые старики в своих рассказах приводят любопытные факты, освещающие жизнь предков нынешних ороков.

Еще в досоветское время все ороки, как и эвенки, были крещены. В этом плане интересно следующее сообщение А. Александрина: «Обходя юрты, мы заметили в каждой из них скромно висящие на ремешках иконки. Оказывается, что, за исключением одного взрослого, все крещены и носят, наряду со своими собственными, христианские имена, с трудом припоминая их и до неузнаваемости коверкая. Так, на вопрос одного орочен, он скороговоркой отвечал, что его звать „Иванандреем“, как ни старались объяснить ему, что он, вероятно, ошибается и что он одно из двух: или Иван, или Андрей, тот стоял на своем Иванандрей. Оказалось что же? У него есть брат, который также себя называет Иванандреем и выходит, что один из них Иван, а другой — Андрей, но кто именно Иван, и кто Андрей — неизвестно»⁹.

Имеется сообщение о крещении ороков и у Н. Попова, видевшего ороков в конце XIX в. «Почти все орочен, живущие по Пороною, христиане „крещеные“ и носят христианские имена; впрочем, к религии они.

⁹ А. Александрин. *Из поездки по рр. Б. Тыми и Набиль*, — «Сахалинский календарь, август 1896», о-в Сахалин, 1897, стр. 100, 101

в противоположность тунгусам, относятся безразлично и им кажется, что если они и крестились, так только потому, что думали, что так „полагается по русскому закону“. В сущности они тоже язычники: между собою редко называют друг друга христианскими именами, предпочитая более понятные им языческие, и хотя в некоторых юртах держат иконы, но не прочь при удачном лове принести жертву языческому божеству или, в пример айнцев и гиляк, водрузить идола из стружек — „илау“»¹⁰.

В начале XX в. ороки по традиции хоронили умерших на деревьях, сколачивая гроб из досок из двух выдолбленных колод, устанавливаемых на подвесных мостках. Крещеные ороки хоронили умерших по русскому обычаю, устанавливая над могилой крест.

В селении Вал очень много смешанных браков. В смешанных семьях говорят на русском, эвенкийском и на языках ульта. Тунгусские народы говорят между собой на своем эвенкийском языке, ульта хорошо знают эвенкийский язык, а эвенки, как правило, понимают язык ульта, но говорить на нем не могут. Все ороки хорошо говорят по-русски. Возможно, некоторые перешли на Сахалин, уже хорошо зная русский язык.

Образование дети ороков получали на Ноглинской культбазе, которая была открыта в начале 30-х годов. Несколько лет назад, с 1959 г., на основе этой культбазы была организована восьмилетняя национальная школа-интернат санаторного типа. В этой школе дети обучаются начиная с подготовительного класса и проходят курс начальной и восьмилетней школы. После этого одни продолжают учебу в средней школе здесь же в Ноглинках, другие уезжают на учебу в крупные города.

Мы довольно подробно осветили историю основания и жизнь селения Вал, но нам хотелось бы привести еще некоторые материалы, сообщенные старейшей жительницей селения Вал Марией Соловьевой (она себя причисляет к народу негда), помогающие в какой-то мере раскрыть истоки формирования ороков.

Вот что сообщила Мария Соловьева.

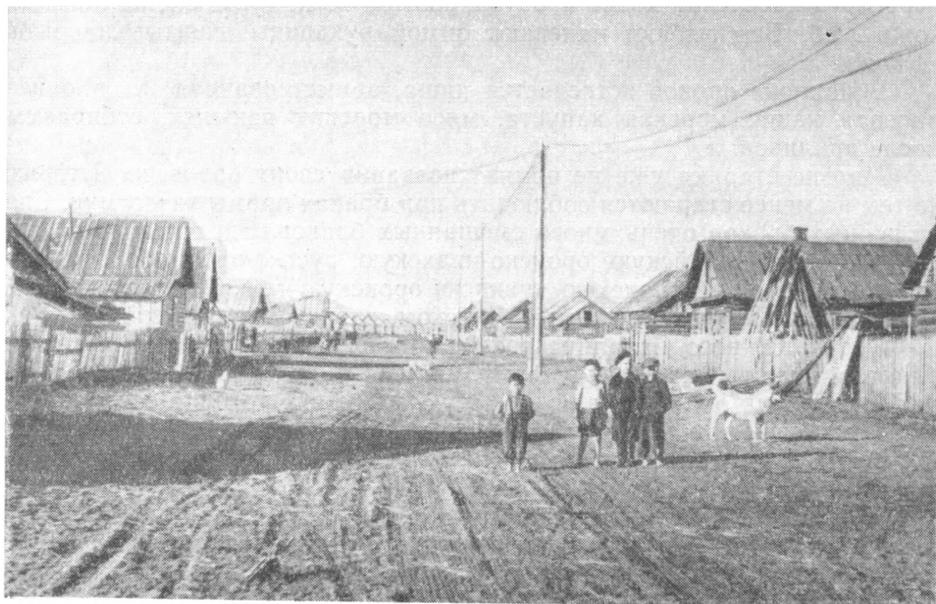
Ее первый муж Соловьев Михаил был негидальцем из рода Нягинапр. После его смерти она вышла замуж за Чинкова из эвенкийского рода ЫДян. От двух мужей у нее родилось 9 детей: из них один женился на эвенкийке из рода ЫДян, а одна — вышла замуж за эвенка из рода Дери, но все они считаются ороками. По словам все той же Соловьевой, в селении Вал проживают представители орокского рода Муктигыр, носящие фамилию Егоров. Как Соловьевы, так и Егоровы по паспорту ороки, но считают себя негда. Живут в этом селении несколько семей Егоровых — эвенки из рода ЫДян, некоторые из них женились или вышли замуж за негда и ульта, но считаются ороками.

В заключение нам бы хотелось немного остановиться на быте ороков Южного Сахалина.

Всего *южных ороков* около 200, часть их (преимущественно молодые люди) была вывезена японцами на Хоккайдо в 1945—1947 гг. В настоящее время орокское население живет в селениях Речное, Устье, г. Поронайске и его окрестностях. В г. Поронайске ороки работают на рыбкомбинате (в сетепошивочной мастерской, копильном цехе, рыбообработчиками), на лесотарном комбинате, в коопзверопромхозе и других предприятиях. Несколько семей ороков живут недалеко от станции Баюклы и занимаются оленеводством (в стаде насчитывается около 1000 оленей).

Более близко познакомились мы с ороками селения Речное (их было около 40), они работали вместе с нивхами и нанайцами в рыболовец-

¹⁰ Н. Попов, *Река Поронай и ее широдческое население*, стр. 11—12.



Селение Речное (Таран), Южный Сахалин. 1961 г.

кой бригаде колхоза «Дружба». Ороки вместе с нивхами составляют основное рыболовецкое население бригады «Новый путь», так как нанайцев осталось всего лишь несколько семей (остальные возвратились на Амур на прежнее местожительство). Рыбу (сельдь, корюшку, горбушу и навагу) сдавали на Поронайский рыбокомбинат, часть в обработанном виде. Бригада «Новая жизнь» имеет свою базу по обработке рыбы, на которой работают преимущественно члены семей.

Колхозники добывают также морских зверей, правда, в небольшом количестве и преимущественно для личных нужд. Бьют их из огнестрельных ружей и ловят ловушками в виде вентеров с большими крыльями, хотя последние применяются в настоящее время редко. Некоторые рыбаки в зимнее время занимаются охотой на лисиц, соболя, выдр, оленей и др. Охотников с каждым годом становится все меньше, и охотничий промысел падает, так как люди предпочитают заниматься рыбным промыслом, приносящим более хороший доход.

В настоящее время у южных ороков в личном пользовании нет оленей. Нет оленей и в общественном хозяйстве ороков, проживающих в селениях Речное и Устье. Ороки этой группы до недавнего времени кочевали с небольшими стадами оленей, сохраняя тип тунгусского оленеводства, некоторые элементы которого нами описаны выше.

Село Речное — благоустроенный поселок. С 1947 г. здесь было построено более 40 добротных срубных домов, некоторые из них двухквартирные. В селении имеются начальная школа, клуб, детские ясли-сад, медпункт, магазин. Все дома радиофицированы и электрифицированы. От селения до г. Поронайска ходит регулярно автобус.

У южных ороков, так же как и у северных, не сохранились двускатные корьевые шалаши — *каура* и конический чум — *аунда*, покрытый шкурами или рыбьей кожей, употреблявшиеся раньше повсеместно.

Ороки носят в основном покупную одежду, и только небольшая часть

взрослого населения ходит в обуви, сшитой из камусов оленя, лося или кожи рыб. Все рыбаки надевают зимой рукавицы, сшитые из рыбьей кожи.

В рационе ороков встречается пища, заимствованная у японцев: рисовая каша, морская капуста, мясо морских ракушек, собираемых после приливов.

Многие старики уже не помнят названия своих родов, их историю, но тем не менее стараются соблюдать при браках нормы экзогамии. Среди южных ороков очень много смешанных браков. Здесь мы встречали семьи орокско-нанайскую, орокско-нивхскую, русско-орокскую, японско-орокскую, корейско-орокскую, тувинско-орокскую и др. Ороки этого района одинаково хорошо говорят на русском, японском и орокском языках.

Ороки Южного Сахалина также подвергались крещению русскими и поэтому все имеют русские фамилии, имя и отчество. В период японской оккупации они получали японскую фамилию, которая означает место, откуда они прибыли. Так, Накагава означает средняя река, внутренняя река, Огава — маленькие речки, Кузава — маленькие протоки, Китазима — север и др.

Советское государство оказывает орокам всяческую помощь в деле воспитания детей. Как мы уже говорили выше, в селении Речное имеются ясли-сад и начальная школа, в селении Устье — восьмилетняя школа, в г. Поронайске — средняя школа. Все дети ороков воспитываются дошкольными учреждениями и учатся в школах; причем они находятся на полном государственном обеспечении. Многие ороки учатся в педагогическом и медицинском училищах г. Александровска, многие работают учителями и фельдшерами в своих родных селениях на Сахалине.